

Диалог с Библией в ранней лирике Э. Паунда

Данченко Анна Константиновна

Аспирант

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: whitepigeon88@mail.ru

Диалог с Библией в раннем творчестве Паунда представлен достаточно широко, что во многом обусловлено характерной для этого периода символичностью произведений, тяготением к романтическому идеалу художника-творца и его особой миссии, а также представлениями поэта об обновлении поэтического языка и особой роли мифологического сознания, реализованного в текстах посредством мифологических образов и мотивов различных культур. Х. Уайтмайер пишет: «Паунда. . . привлекал фантастический, неоромантический идеал. Так, многие его ранние стихотворения пробуждают мистический божественный воображаемый мир, повторяющиеся элементы которого представлены бесплотными духами, магическими метаморфозами, отраженным светом, вдохновляющими ветрами и символическими кристаллами» (Witemeyer, 1969: 45). К этим словам добавим - и переосмысленными поэтом библейскими образами.

Наиболее ярко, на наш взгляд, диалог с Библией репрезентирован в следующих стихотворениях: «La Fraisne», «Ответы Фифины», «In Tempore Senectutis», «Vana», «Баллада мрака», «Ночная литания», «Partenza Di Venezia», «Occidit», «В духе Беддоуза».

Диалог с Библией осуществляется посредством включения в тексты определенных интертекстовых элементов, а именно синтаксических и лексико-грамматических структур, образов, мотивов, прямых цитат и парафраз. Такие элементы включаются в текст в значимых для его художественного облика, ключевых местах, определяющих дальнейшее развертывание образов и смыслов, или в паратекст произведения, определяя стилистику и семантический фон стихотворения. Интертекстовые элементы выступают как «код», позволяющий глубже прочитывать произведение и вскрывать заключенные в нем концепты, нередко контрастирующие с самим «кодом». Библейский «код» в ранней лирике Паунда функционирует как легко узнаваемый смысловой пласт, позволяющий распознавать завуалированные и менее очевидные смыслы, заостряя внимание читателя на ключевых для восприятия текста фрагментах. Помимо этого, в некоторых произведениях библейские аллюзии представлены через призму иных культур и литературных традиций: средневековой («Вийонада на святки», «Ответы Фифины») и романтической («Молитва перед песней», «Баллада мрака»). Из всех библейских текстов, с которыми в произведениях Паунда ведется диалог, наиболее значимыми претекстами становятся Песнь Песней, Книга Экклесиаста и Псалтирь, выступающие как метатексты по отношению к стихотворениям поэта. В стихотворении «La Fraisne» библейские аллюзии раскрываются в определенной последовательности: Книга Притчей Соломоновых - Экклесиаст - Песнь Песней. Возможно, это связано с особым восприятием этих книг в христианской культуре. Комментируя подход Оригена, заложившего мистическую и аллегорическую интерпретации Песни Песней в христианской традиции, Г. В. Синоло пишет: «В отличие от еврейских мудрецов, полагавших, что Соломон создал Песнь Песней в юности, а затем в зрелости и старости, - Книгу Притчей и Экклесиаст, [Ориген] считает эту последовательность иной: Притчи, Экклесиаст, Песнь Песней. Он связывает две первые книги с изучением этики и природы, и это, с его точки зрения, - две необходимые ступени, предшествующие высшей - созерцанию Незримого, Божественной Тайны» (Синоло, 2012: 626). Кроме того, особенно значим образ библейского Бога - Творца или Иисуса Христа, - а также аллюзии на определенные библейские сюжеты, как ветхозаветные (борьба Иакова с Богом), так и

новозаветные (встреча Иисуса с учениками). Для творчества Паунда также характерен синтез библейской и мифологической языческой топики. Так, в стихотворении «Occidit» перед нами предстает цепь из нескольких образов: библейского (стада Гилеада), языческого индоиранского (Митра), западноевропейского средневекового (королевская процессия и гобелены как знак приветствия короля), мифологического скандинавского (небесные чертоги для героев) и, наконец, мифологического древнегреческого - Ауфидус (название реки в Апулии; Паунд же называет так западный ветер, уносящий души в царство мертвых). Западный ветер также связан с кельтскими представлениями об островах блаженных, располагающихся в океане на западе. Таким образом, поэтическое описание природного явления (заката солнца) превращается у Паунда в развернутую сложную метафору, состоящую из аллюзий на различные культуры. Среди этих аллюзий библейские имеют особое значение: в топике самого стихотворения стада Гилеада выполняют ту же функцию, что и другие образы (описание заката), однако паратекст стихотворения определяет преимущество библейских смыслов. Аллюзия на Книгу Экклесиаста в названии прямо указывает на конкретный стих (Еккл 1:5). Подобно библейскому Проповеднику, лирический герой стихотворения Паунда, описывая движение солнца как круговорот, утверждает величие и совершенную красоту сил природы. Библейская образность и стилистика не только позволяет живописать образ закатного солнца, дополняя его красоту, но и выступает как своеобразный метатекст для всего произведения.

В ранней лирике Паунда библейские образы тесно смыкаются с языческими образами и мифологемами - древнегреческими, индоиранскими, т. е. восточными в широком смысле, и западноевропейскими, как бы раскрывая перед читателем смысл и тех и других, возвращая им статус культурных основ и обновляя их ценность перед лицом современности, утверждая их значимость в веках. При этом полностью отсутствуют какие бы то ни было элементы пародирования или иронии над библейскими претекстами. Напротив, Библия предстает одним из эстетических идеалов поэта на раннем этапе его творчества, одной из основ современной культуры, переосмысление которой заключается не в отрицании ее статуса, а в многократном обращении к ней с целью обновления поэтического языка, художественной системы и семантического поля современной культуры.

Источники и литература

- 1) Синило Г. В. Песнь Песней в контексте мировой культуры: В 2 кн. Кн. 1. Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации. Минск: Экономпресс, 2012.
- 2) Witemeyer H. The Poetry of Ezra Pound. Los-Angeles: University California Press, 1969.